

Он открыл учебник, снял колпачок с ручки и сказал:

— Завтра последний экзамен, а после него я вернусь.

Такое согласие, несомненно, согрело сердце бабушки.

Бабушка радостно произнесла «хорошо» три раза подряд, а затем повернулась, чтобы позвонить.

Цзян Дунгэ же устался на тетрадь с заданиями, погружившись в мысли.

Это состояние продолжалось до следующего дня.

Смена обстановки сразу дала понять, что, хотя поза осталась прежней, Цзян Дунгэ, сидящий в освещённом классе, действительно сдавал экзамен. После звонка ученики начали сдавать работы, но Цзян Дунгэ, погружённый в свои мысли, оставался на месте, пока Лю Вэнь, сидевшая сзади, не подошла к нему.

Ответив, он встал, сдал работу и, схватив рюкзак, поспешно направился к выходу.

Это удивило одноклассников, которые ещё собирали вещи:

— Что это он сегодня так торопится?

Видимо, никто не знал о семейных обстоятельствах Цзян Дунгэ.

Выйдя из школы, он замешкался на перекрёстке, пропустив два красных сигнала светофора, а затем выбрал путь, противоположный вчерашнему.

Эта дорога вела к элитному жилому комплексу.

Цзян Дунгэ, однако, не вошёл туда. Он трижды обогнул комплекс, а затем, когда все подумали, что он сдался, остановился у фастфуда.

Заказав еду, он сел за столик, положил еду в сторону и достал учебники, делая вид, что собирается заниматься.

Однако рядом сидели двое шумных посетителей.

Мать и сын. Мальчику было около трёх лет, и он всё время требовал чего-то от матери, а она терпеливо уговаривала его. Наблюдая за ними, Цзян Дунгэ задумался.

Этот приём часто используется в кино, и, хотя он банален, эффект очевиден. Зрители предположили, что Цзян Дунгэ, вероятно, испытывал недостаток материнской любви.

После нескольких кадров Цзян Дунгэ резко проснулся, заметив, что на улице уже стемнело. Он быстро собрал вещи и выбежал наружу.

На этот раз, торопясь, он не колеблясь направился к тому самому жилому комплексу. Быстро добравшись до подъезда, он припарковал велосипед и успел задержать закрывающийся лифт.

В лифте оказалась молодая женщина лет двадцати. Увидев Цзян Дунгэ, она слегка удивилась.

Цзян Дунгэ сказал ей, извините:

— Простите.

Он, запыхавшись, нажал на кнопку 18-го этажа.

Находиться в закрытом пространстве с незнакомцем всегда немного неловко.

Женщина украдкой взглянула на Цзян Дунгэ.

Камера переключилась на её точку зрения, делая откровенные крупные планы его лица, тела и рук.

Медленные кадры были настолько соблазнительными, что зрители не могли сдержать эмоций — ведь Цзян Дунгэ играл Ли Имин, безупречный во всех отношениях.

Услышав вздохи зрителей, сидящие в первых рядах «Минпай» почувствовали гордость.

Внешность Ли Южуна действительно выдерживала любой пристальный взгляд.

Некоторые фанаты тихо восхищались:

— Эта юношеская энергия напоминает мне Берна.

Точно так же, как в лифте, через чужой взгляд... Чжу Юй, услышав обсуждение зрителей, прищурился.

Того самого Берна, самого красивого юноши в мире.

Сделав заметку в блокноте, Чжу Юй огляделся и увидел, что многие зрители, как и женщина в фильме, покраснели и замерли, не в силах оторвать взгляд.

Раздался звук [дзынь]. Лифт остановился на 18-м этаже. Не замечая, что за ним наблюдают, Цзян Дунгэ спокойно вышел и, достав ключи, вошёл в квартиру.

Когда он, переобувшись, прошёл в гостиную, из кухни вышел мужчина средних лет в фартуке. Увидев Цзян Дунгэ, он без эмоций произнес:

— Вернулся.

Цзян Дунгэ с неохотой отвёл взгляд и кивнул.

В этот момент дверь, которую он закрыл, снова открылась ключом. Зрители, следя за Цзян Дунгэ, увидели, что вошла та самая женщина из лифта.

Многие зрители про себя воскликнули: «Вот это поворот!»

Женщина, увидев Цзян Дунгэ, смутилась.

Отец Цзян Дунгэ, не зная, что они уже встречались, спросил:

— Соус купила?

— Да, — ответила Юй Тао, передавая пакет отцу и не скрывая взгляда, направленного на Цзян Дунгэ.

Тот, думая, что она просто удивлена, представил:

— Это наш сын.

Женщина неловко улыбнулась:

— Какой красивый.

Отец, помолчав, ответил:

— Похож на мать.

Цзян Дунгэ, который до сих пор молчал, резко сказал:

— Не говори о моей матери!

Отец нахмурился, и его терпение лопнуло:

— Ты вернулся, чтобы получить взбучку?

Женщина сжалась, боясь даже дышать, наблюдая за этим.

Цзян Дунгэ усмехнулся и, глядя отцу в глаза, сказал:

— Бей, как бил мать. Убей меня, раз уж на то пошло.

Эти слова задели отца за живое. Он, побледнев, только пробормотал «сволочь» и больше не двигался.

Глаза Цзян Дунгэ уже блестели от слёз. Но он не стал их скрывать, вытер слёзы пальцем и, повернувшись к женщине, сказал:

— Тётя, вы так молоды. Мне семнадцать, а вам, наверное, двадцать семь?

Отец, взбешённый, швырнул ложку для готовки и ушёл.

Цзян Дунгэ не обратил на это внимания. Он усмехнулся, бросил вызывающий взгляд на Юй Тао и вернулся в свою комнату.

Школьник, который производил хорошее впечатление на всех, теперь казался резким и саркастичным.

Гостиная Цзян Дунгэ после нескольких изменений освещения превратилась в вырезку из журнала.

Вокруг раздавались звонки телефонов, люди приходили и уходили — зрители сразу поняли, что это либо редакция газеты, либо журнала.

Дойдя до этого момента, Хун Пяо начала волноваться. Она крепко сжала руку Ли Южуна, сидевшего рядом.

Она боялась, что зрители не примут её задумку.

Ли Южун, почувствовав её дрожь, положил свою руку на её ладонь и мягко погладил.

Это молчаливое успокоение немного помогло Хун Пяо, но когда она увидела, как вырезку с гостиней Цзян Дунгэ передали Ян Хун, она невольно закрыла глаза.

В темноте она услышала, как персонаж фильма сказал:

— Сестра Ян, я примерно собрал материалы по тем делам о несовершеннолетних убийцах, о которых вы просили. Что касается последнего дела Цзян Дунгэ, то из-за широкой огласки в СМИ существует множество версий, и я не знаю, какая из них правдива, так что вам придётся самой поехать на место преступления для расследования.

Неизвестно, было ли это иллюзией, но Хун Пяо, закрыв глаза, почувствовала, что её слух обострился. Ещё до того, как персонаж закончил говорить, она услышала шум в зале.

— Боже, я правильно услышал?

— Подросток-убийца? Цзян Дунгэ?

— Сколько лет прошло? Я ничего не понял.

— Ему только что было семнадцать. Даже если он несовершеннолетний, за убийство он всё равно должен отвечать.

— Неужели он из-за недостатка любви убил мачеху?

Едва кто-то высказал это предположение, Ян Хун на экране, рассматривая вырезку с фото Цзян Дунгэ, покачала головой:

— Убийца собственного отца... выглядит так... действительно, внешность обманчива.

Зал снова взорвался.

Фанаты, защищая своего кумира, громко закричали:

— Какой убийца? Этот фильм...

Ли Южун, услышав шум, громко сказал:

— Тише.

Зал на мгновение затих, а затем та самая взволнованная фанатка со слезами на глазах прошептала:

— Минмин...

Решил, завтра точно устрою что-то интересное.

<http://bllate.org/book/16554/1510751>